

Е.А. Слободян

*Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы,
г. Уфа*

E.A. Slobodyan

Bashkir State Pedagogical University. M. Akmulla, Ufa

ПЕРЕВОДЧЕСКИЕ НЕУДАЧИ ПРИ ПЕРЕДАЧЕ ИСТОРИЧЕСКИХ И КУЛЬТУРНЫХ РЕАЛИЙ

TRANSLATION FAILURE IN THE TRANSMISSION OF HISTORICAL AND CULTURAL REALITIES

Ключевые слова: художественный перевод, переводческая неудача, авторская глухота

Keywords: literary translation, translation failure, the author's deafness

В статье рассматриваются переводческие неудачи при передаче культурных реалий в значимых текстах польской и русской культуры – поэмах "Пан Тадеуш" и "Евгений Онегин". Изучение реалий повседневной жизни XIX века и их отражения в переводах показывает, что самое большое количество неудач возникает в описании тех сфер, которые являются повседневными, само собой разумеющимися и вместе с тем принципиально разнятся в обеих культурах, так как при передаче описаний, касающихся привычных, обыденных сфер жизни, переводчики пренебрегают их дополнительным изучением.

In the article the translation failures in the transmission of cultural realities in the relevant texts in Polish and Russian culture - a poem "Pan Tadeusz" and novel in verse "Eugene Onegin" - are discussed. Exploring of the realities of everyday life of the XIX century and their reflection in the translation shows, that the largest number of failures occur in the description of the fields which are daily, but yet fundamentally different in both cultures. While translating descriptions concerning the usual, ordinary walks of life the translators neglect their additional study.

Художественный текст не существует изолированно. Как показывает современная наука, его рассмотрение является наиболее плодотворным в междисциплинарном аспекте, в общекультурном контексте. Особенно это касается значимых текстов, которые можно назвать своеобразными «визитными карточками» определенной культуры. К числу таких текстов относится одно из центральных произведений А. Мицкевича, ставшее наиболее популярным среди последующих поколений и входящее в школьную программу польской школы, - поэма «Пан Тадеуш». Поэт создал «национальную поэму», единственную в своем роде, не имеющую, пожалуй, аналогов в мировой литературе. «Пан Тадеуш» является своеобразной

«визитной карточкой» А. Мицкевича в мировой литературе, точно также как имя самого Адама Мицкевича первым приходит в голову, когда речь заходит о польской литературе. Поэма обоснованно привлекает к себе внимание исследователей, предпринимаются попытки изучения языка поэмы, создания научного инструментария: так, например, на странице <http://ampantadeusz.w.interia.pl/> размещена поисковая система по поэме, позволяющая находить отрывки с заданным в запросе словом. Неудивительно поэтому, что поэма оказалась переведена на многие языки. По данным Wikipedii «Пан Тадеуш» переведен на 25 языков мира. Одним из таких языков является, разумеется, русский. По моим данным существует как минимум пять русских переводов.

Как известно, В.Г. Белинский называл знаменитый роман в стихах А.С. Пушкина «Евгений Онегин» (кстати, один из знаковых текстов русской литературы) «энциклопедией русской жизни». Подражая Белинскому и сравнивая роман А. Пушкина с произведением А. Мицкевича, "Пана Тадеуша" называл "энциклопедией старой жизни на Литве" Максим Рыльский (Мицкевич 1954; 6), да и сам Мицкевич ставил себе в заслугу старательное изображение обычаев своего времени, «сделанное с натуры» ("*co tam najlepsze, to obrazki z natury kreślone naszego kraju i naszych obyczajów domowych*" [что там самое лучшее, так это картинки, набросанные с натуры, изображающие наш край и наши народные обычаи] List do Odyńca, нач. 1834 г. Цит. по (Korespondencja Mickiewicza 1861; 51)). Исследователи подчеркивают у А.Мицкевича скрупулезность в описании деталей. Так, читатель может подробно представить себе место действия, по описаниям нарисовать «план» имения Судьи, детально описываются одежда героев, меню, флора и фауна, планировка дома, времяпрепровождение героев, обычаи, круг интересов, который в реальной действительности разделяют с героями представители их сословия. Перед переводчиками поэмы стоит сложная задача помимо передачи яркого поэтического стиля польского поэта, который использует стилистически разнородные пласты лексики, слова в метафорических значениях, неожиданных контекстах, передать многочисленные бытовые и культурные реалии, которыми полна поэма и которые для современного русского человека (впрочем, как и поляка) могут быть весьма экзотичны. Неудивительно, что знакомство читателя с поэмой поэмы рекомендуется сочетать с чтением подробного комментария, а от переводчика требуется помимо знания языка хорошее знание истории и культуры Польши XIX века.

В рамках проекта «"Пан Тадеуш" Адама Мицкевича и "Евгений Онегин" Александра Пушкина – бытописание русского дворянства и польской шляхты», финансируемого Центром польско-российского диалога и согласия, мною предпринято подробное сравнительное изучение реалий дворянского быта, отраженного в поэмах А.С. Пушкина «Евгений Онегин» и А. Мицкевича «Пан Тадеуш». В данной статье я проанализирую замеченные мною в трех русских переводах поэмы «Пан Тадеуш» переводческие неудачи, связанные с описанием бытовых реалий. Для анализа я

использовала переводы поэмы, сделанные в XX веке: это переводы С. Аксеновой-Мар (1955) («эталонный» перевод, который чаще всего издавался и который легко можно найти в любой библиотеке), М. Павловой (1954) и С. Святского (1998) (перевод активно распространяется Посольством Республики Польша в кругу русской колонии). Существует 2 перевода поэмы «Пан Тадеуш», которые датируются XIX веком, однако, переводы эти труднодоступны и неактуальны для современного русскоязычного читателя, поэтому я не нашла целесообразным включать их в выборку.

Помня о том, что перед нами художественный текст, к которому не приложимы критерии оценки бытовой или официально-деловой речи, я старалась избегать взгляда на те или иные явления как на «ошибки» и использовать менее резкий термин «неудача». Под ним я понимаю высказывание, которое будет являться ошибочным с исторической или культуроведческой точки зрения. Такие высказывания будут затемнять или искажать смысл, заложенный в оригинальном тексте. Явление «неудач» в переводческом тексте уже исследовалось. Так, например, мною в соавторстве с Б.В. Ореховым, были исследованы стилистические неудачи в русских переводах «Слова о полку Игореве» (Орехов, Слободян 2010; 416-423). Сходный термин «авторская глухота» приводит вслед за М. Горьким в своем словаре А.П. Квятковский Отличие авторской глухоты от найденных мною в переводах «Пана Тадеуша» «неудач» заключается в том, что случаи авторской глухоты (*О первый ландыш! Из-под снега | Ты просишь солнечных лучей.* А. Фет: из-под снега вырастает подснежник, а не ландыш, который появляется в разгаре весны) являются причиной «небрежности или неряшливости писателя, в других случаях — [авторская глухота] возникает произвольно, когда увлечение главной задачей вытесняет из поля внимания отдельные детали» (Квятковский 1966; 10-11.). Причинами же «неудачи» является недостаточное знание переводчиком реалий, в которых разворачивается действие произведения.

Изучение реалий повседневной жизни XIX века и их отражения в переводах показывает, что самое большое количество неудач возникает в описании тех сфер, которые являются повседневными, само собой разумеющимися и вместе с тем принципиально разнятся в обеих культурах. Так, например, при передаче реалий, относящихся к сословному устройству польского общества и связанным с ним политическим институтам (сейм, сеймик, иерархическая структура должностей), неудач мною практически не найдено. Очевидно, что для авторитетного перевода следовало хотя бы поверхностно изучить историю Польши, ее сословный строй и социальную иерархию. В качестве примера весьма немногочисленных неудач в этой сфере можно привести, например, фрагмент перевода С. Святского:

*Что перед шляхтою там в трапезной, что перед
Седобородыми, подсевшими к столу,
И желторотыми, торчащими в углу,
Стал маршал сеймика — а сеймик-то был бурный, —
Бумаги вороха он вытряхнул из урны:*

Считает голоса... (XII, 89-94)

(римской цифрой обозначен номер главы (Книги) в составе поэмы "Пан Тадеуш", арабской – порядковый номер строки).

Перед нами описание сеймика. С. Святский представил его перед читателем по образцу современных выборов: электорату предоставляются бумажные бюллетени, в которых они должны обозначить выбранного кандидата и опустить бюллетень в избирательную урну. Между тем в Польше XIX века – а описание сеймика в Книге Двенадцатой относится даже к более раннему времени (XVI-XVIII век) – при выборе кандидата шляхта кидала в соответствующий сосуд круглые камешки, которые обозначали голоса, отданные за кандидатов (ср. в оригинале: *W środku marszałek stoi, wazon w ręku trzyma, | Liczy galki...* [в середине стоит маршал сеймика, держит в руках сосуд, считает камешки] XII, 92-93). И даже эта неудача относится скорее к "бытовой стороне" (описание предметов, которыми пользуются на сеймике), нежели к описанию политического устройства. Остальные переводчики описывают данный эпизод близко к исторической реальности: приведу удачный перевод С. Мар:

Маршалок впереди, пред урной с голосами,

Считает он шары... (XII, 92-93)

А вот такие сферы жизни как еда и одежда являются привычными, обыденными. Каждый день мы три раза принимаем пищу, одеваемся. Люди, профессионально или хотя бы поверхностно сталкивающиеся с польской культурой, читали о польской кухне, видели живописные полотна, на которых изображены польские костюмы. Однако пренебрежение подробным изучением и этих сфер быта наряду с историей приводит к многочисленным неудачам, искажающим смысл оригинального текста, способным привести читателя в недоумение и даже дать перековерканный образ польской действительности XIX века. Приглядимся к переводческим неудачам во фрагментах, описывающих ситуации, связанные с приемом пищи и гардеробом, более подробно.

В ПТ насчитывается около 14 кулинарных сцен (Kot, 1999: 110). Среди типично польских блюд в поэме описан борщ, бульон, знаменитый бигос, также можно упомянуть среди типично польских блюд литовский холодник, который Судья подает на стол несколько раз, а также зразы, которыми лакомятся Майор Плут и Рыков у Судьи в Книге Девятой.

На завтрак у Судьи дамы вкушают пивной суп (*piwna polewka*). Кристина Бокенхейм упоминает это кушанье среди характерных блюд польской кухни. По-другому он называется фарамушка, граматка, бермушка (*faramuszka, gramatka, biermuszka*). (Bockenheim 1998; 193). Ханна Шимандерска в своей кулинарной книге, посвященной блюдам из ПТ дает 4 рецепта такого супа (Szymanderska 1999; 36-37). Он представляет собой приправленное (корицей, сахаром, солью и т.п.) разогретое пиво, загущенное сливками и желтками яйца, А. Мицкевич описывает, что такой суп был подан также с кусочками творога

Teraz drugą dla siebie zrobiły potrawę:

*Z gorącego, śmietaną bielonego piwa,
W którym twaróg gruzłami posiekany pływa.* (II, 512-514)

[сейчас [дамы] сделали для себя второе блюдо: из горячего, забеленного сметаной пива, в котором плавает творог, нарезанный кусочками].

Согласно рецепту К. Бокенхейм, к творогу можно также добавить кусочки хлеба или гренки (Bockenheimer 1998; 193).

Очень экзотичным предстает завтрак "старших дам" в русских переводах ПТ. Во всех трех переводах пани вкушают не легкое утреннее блюдо, а пьют на завтрак пиво, забеленное сметаной:

Сметаной забелив дымящееся пиво,

Напиток с творогом приготавливают живо (II, 513-514; перевод С. Мар);

у С. Святского диковинный напиток сдобрен еще и сыром, чего не допускает польский рецепт:

А дамы старшие, что, впрочем, и не диво,

Откушав кофию с рассветом, пили пиво.

Оно им гретое поставлено на стол,

Сметаной сдобрено и сыром (II, 511-514; перевод Святского);

а вот в переводе Павловой дамы "смакуют" пиво, закусывая его сметаной и творогом:

...им пиво со сметаной

И свежим творогом лакеи подавали

И гости, всё смешав, напиток смаковали (II 514-516; перевод М. Павловой).

Заметим, что во всех трех переводах пивной суп трактуется как напиток, а не как легкое утреннее кушанье (суп), как это было на самом деле.

Из обеденного меню в ПТ упоминается "литовский холодец". Это очередная неточность переводчиков. Холодец (студень) – блюдо из сгустившегося до желеобразной массы от охлаждения мясного бульона с кусочками мяса, тогда как холодник (chłodnik), о котором идет речь в поэме, - это блюдо вроде русской окрошки, которое готовится на основе свекольного или щавельного отвара с молоком с добавлением маринованной свёклы и свежих овощей (резанный огурец, лук, укроп). Далее он охлаждается, перед подачей добавляется нарезанное варёное яйцо, сметана и гарнир — варёный картофель (<http://ru.wikipedia.org/wiki/Холодник>).

В описании ужина самым точным является перевод С. Святского:

И спаржи принесли, и раков, и цыплят,

Венгерским потчуют, малагою поят. (V, 315-316)

С. Мар заставляет поляков есть за ужином цыплят с винегретом, что порождает путаницу в понимании:

Вот поданы на стол цыплята с винегретом

В компании живой венгерского с кларетом (V, 317-318; перевод С. Мар). Для русского винегрет – это овощной салат с яйцом, однако в Европе под винегретом понимается особая заправка для салата, соус на основе

уксуса, оливкового масла и горчицы. Так что же, по версии С. Мар, ели гости Судьи: блюдо из птицы с гарниром в виде салата или цыпленка в соусе?

М. Павлова материализует на столе непопулярный тогда шпинат:

Вот раки поданы, цыплята со шпинатом

В компании с бордо, венгерским и мускатом (V, 317-318; Перевод М. Павловой).

Пожалуй, один из самых трудных фрагментов для перевода в поэме – это описание старопольского пира в Книге Двенадцатой. Не представляется возможным определить, какие конкретно блюда имел в виду А. Мицкевич, описывая праздничный стол. Кстати, переводчики, не сговариваясь, не упомянули в своих переводах некоторые непонятные названия. В оригинале это меню выглядит так: *barszcz królewskim zwany*

I rosół staropolski sztucznie gotowany,

Do którego pan Wojski z dziwnymi sekrety

Wrzucił kilka perełek i sztukę monety

(Taki rosół krew czyści i pokrzepia zdrowie).

Dalej inne potrawy, a któż je wypowie!

Kto zrozumie nie znane już za naszych czasów

Te półmiski kontuzów, arkasów, blemasów,

Z ingrediencyjami pomuchl, figatelów,

Cybetów, piżm, dragantów, pinelów, brunelów (XII, 138-147)

[...борщ, званный королевским, и старопольский бульон, искусно приготовленный... Дальше другие блюда, кто их [названия] выговорит! Кто поймет неизвестные уже в наши дни эти миски контузов, аркасов, блемасов, с добавлением помухлей, фигателей, **цибетов, мускуса, драгантов**, пинелей, брунелей..."].

Жирным шрифтом выделены не упомянутые ни одним переводчиком продукты. В описании остальных продуктов и блюд в этом списке переводчиками допущены неточности. Собственно названиями блюд здесь являются: контузы, аркасы, блемасы. Контуз – это разновидность вяленого мяса, а также бульон из цыплят, аркас – молочно-творожный десерт, описанный, например, в книге Ханны Шимандерской: молоко и сливки, особым образом смешанные с яйцами, вешали в льняной салфетке до полного остывания и подавали в холодном виде со сладким соусом. Блемас – это также десерт, миндальное желе, приправленное вином, гвоздиками и пижмой. Следующие далее наименования являются не названиями блюд, а названиями специй, которые добавлялись в блюда, перечисленные выше. Для старопольской кухни вообще характерно было использование острых и ароматических специй, которыми, в частности, иногда маскировали запах несвежего мяса (Koweska 1984; 137). Пинели (правильнее пинеоли, зерна шишки пинии) и фигатели (наименование начинки) становятся названием блюда у М. Павловой, а пинели и брунели (сушеные сливы, проще говоря, чернослив) у С. Мар. Помухли – это рыбы из семейства тресковых, использующиеся для приготовления различных соусов и подлив. Цибет – выделение заднепроходных желез некоторых видов цивет, издающее

чрезвычайно сильный мускусный запах и потому употребляемый для духов и благовоний, а также для приправ – вообще не находим ни в одном из переводов, а мускус упоминает только С. Святский, говоря о "*множестве подлив| Из смеси мускуса и уксуса, и слив*". Правильно передавая названия ингредиентов, С. Святский, однако, ошибочно приписывает старопольскому столу французские блюда, которых там не могло оказаться (вспомним осуждающие тирады Судьи и Подкомория против поклонников французской моды в Книге Первой): соте, суп-пюре; лазанки, являющиеся принадлежностью польской кухни, о которых пишет С. Святский, у Мицкевича не упоминаются. Собственно говоря, это не исконно польское блюдо, а результат славянизации в XVI веке итальянской пасты. В числе "ингредиентов" находим еще драгант, сахарную массу, которая употребляется для изготовления сахарных фигурок, тоже не упомянутую ни одним из переводчиков.

Обратимся теперь к описаниям нарядов героев.

В Книге Седьмой мы видим Графа во главе вооруженной шляхты:

Одетый в черное, на скакуне отличном,

В распахнутом плаще нарядном, заграничном.

Подбитый шелком плащ держался на застежке

Не видывали здесь еще такой одежды! —

В берете с перышком, пылающий отвагой,

Граф горячил коня, всем салютуя шпагой. (VII, 521-526; пер. С. Мар)

(Hrabia siedział na dzielnym koniu, w czarnym stroju;

Na sukni orzechowy płaszcz włoskiego kroju,

Szeroki, bez rękawów, jak wielka opona,

Spięty kłamrą u szyi, spadał przez ramiona;

Kapelusz miał okrągły z piórem, w ręku szpadę (VII, 517-521)

[Граф сидел на прекрасном коне, в черном костюме На платье ореховый плащ итальянского кроя, Широкий, без рукавов, как большая занавесь, Соединенный у шеи пряжкой, спадал на плечи; У него была округлая шляпа с пером, в руках шпага...]

Грубой ошибкой С. Мар является то, что на голове Графа оказывается "берет с перышком". Берет был распространен в мужской моде во времена Ренессанса и в эпоху Реформации (до XVI века), затем он окончательно вышел из моды и оказался заменен широкополой шляпой, а позже пышными париками, треуголкой. На голове Графа в этом эпизоде, скорее всего, была "высокая английская шляпа с полями, вытеснившая из моды французскую треуголку" (Киреева 1970; 136).

С.Святский, кажется, не совсем ясно представляет себе, как выглядел кунтуш и чем он отличается от жупана:

Судья на юношу скопился. Не спеша

Наполнил свой бокал и, складки кунтуша

Откинув, говорит... (Святский).

Кунтуш представлял собой род длинной мужской верхней одежды. Типичными для кунтуша были разрезанные по длине и свободно свисающие

или откинута на спину рукава, которые назывались вылеты или лапти (wyloty, łapcie) (Drażkowska 2008; 73). Под верхнюю одежду надевался жупан. Жупаном называют длинное мужское платье, которое сзади скроено одной деталью, перед же состоял из двух деталей и застегивался на часто пришитые пуговицы. Жупан был известен в Польше еще в XVI веке и являлся верхней одеждой. В конце XVII века жупан "деградирует" и становится исподней одеждой. Теперь шляхтич может носить жупан без верхней одежды только находясь дома или занимаясь хозяйственными делами. В торжественные моменты или во время приема гостей в XVIII веке на жупан принято одевать кунтуш, из-под него, впрочем, при движении должна была виднеться передняя часть жупана. На виду также оставались рукава, которые было видно из-под вылетов кунтуша. (Orlińska-Mianowska 2003; 56, 61). В приведенном фрагменте А. Мицкевич имеет в виду вылеты кунтуша. Складки кунтуша – это его полы. Зачем Судья стал бы откидывать полы кунтуша, обнажая исподнюю одежду – жупан, перед тем, как произнести свою речь об образовании молодежи, непонятно.

Не совсем правильным представляется перевод С. Святским описания одежды Нотариуса:

*То был Нотариус. Хоть прежде надевал
И пояс, и кунтуш, и щеголял в жупане,
Но воля женщины важней его желаний.* (XII, 404-406)

Жупан был исподней одеждой, щеголяли скорее в кунтуше, тогда как жупан не был даже полностью виден.

Только исподнее, по версии С. Святского, готовится Судья ко встрече гостей:

*Он облачается в жупан, не тратя слов,
Благо для вечера тот был с утра готов.* (I, 158-159)

В следующем отрывке также явно было бы уместнее упомянуть кунтуш как символическую старопольскую одежду, а не исподний жупан:

*А тот, кто чувствовал, что польский наш жупан
Куда достойнее, чем моды дальних стран,
Тот лишь помалкивал...* (I, 455-457)

И уж совсем скандальную картину рисует С. Святский в конце Книги Третьей. Лесничий настолько переволновался появлением медведя, что врывается к гостям полуголый, в расстегнутой исподней одежде:

Лесничий!

*Иль он не ведает порядка и приличий?
Спешит к хозяину, уж верно, дело есть.
Все ждут, какую же поведает он весть.*

*Чего он прибежал в **расстегнутом жупане**?* (III, 730-734)

Конечно, переводчик хотел этой деталью (которой нет в оригинале) подчеркнуть поспешность, с которой лесничий спешит сообщить своему пану волнующую новость: в окрестностях имения Судьи видели медведя! Слуга так торопился, что набросил на себя лишь верхнюю одежду, не давая

себе труда ее застегнуть. Ошибка переводчика в том, что верхней одеждой является кунтуш.

Проанализированные случаи убеждают нас в том, что при переводе текста, особенно такого, который является "энциклопедией жизни", содержит множество деталей, описывающих быт, переводчик должен самое пристальное внимание обратить на изучение не только лингвистических особенностей языка оригинала и идиостиля автора, но и на ознакомление с деталями быта изображаемой эпохи, особенно теми, которые кажутся очевидным, так как во фрагментах, описывающих именно эти детали, кроется наибольшая опасность исказить смысл оригинального текста.

Литература

1. Квятковский А. П. Авторская глухота // Поэтический словарь. – М.: Сов. Энцикл., 1966. – С. 10 - 11.
2. Киреева, Е.В. История костюма. Европейские костюмы от античности до XX века. – М.: Просвещение, 1970. – 165 с.
3. Мицкевич Адам Пан Тадеуш, или Последний наезд на Литве. – М.: Государственное издательство Художественной литературы, 1954. – 298 с.
4. Орехов Б. В., Слободян, Е.А. «Только дятлы ползают по ветвям...» Парадигматика стилистических неудач в русских переводах «Слова о полку Игореве» // Поэтика и эстетика слова: Сборник научных статей памяти Виктора Петровича Григорьева / Под ред. З. Ю. Петровой, Н. А. Фатеевой, Л. Л. Шестаковой. – М.: ЛЕНАНД, 2010. – С. 416 - 423
5. Bockenheimer K. Przy polskim stole. – Wrocław: Wydawnictwo Dolnośląskie, 1998. – 220 s.
6. Drażkowska A. Odzież grobowa w Rzeczypospolitej w XVII i XVIII wieku. – Toruń: Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu im. M. Kopernika, 2008. – 345 s.
7. Korespondencja Mickiewicza (Studium). – Paryż Księgarnia Polska/Berlin Księgarnia B. Behr'a, 1861. – S. 51
8. Kot W. Pan Tadeusz: prawda i legenda. – Poznań: Oficyna Wydawnicza, 1999. – 231 s.
9. Kowecka E. W salonie i w kuchni. – Warszawa: PIW, 1984. – 296 s.
10. Orlińska-Mianowska E. Modny świat XVIII i początku XIX wieku. – Lesko:Bosz s.c. , 2003, Seria Skarby Muzeum – 127 s.
11. Szymanderska H. Sekret kucharski czyli co jadano w Soplicowie. – Warszawa, Prószyński i S-ka, 1999. – 144 s.

Источники примеров:

1. Мицкевич А. *Пан Тадеуш* / Пер. С. Аксеновой-Мар. – М.: Художественная литература, 1956. – 334 с.
2. Мицкевич А. *Пан Тадеуш* / Пер. М. Павловой – М.: Гослитиздат, 1954. – 314 с.
3. А. Мицкевич *Пан Тадеуш, или последний заезд на Литве* / Пер. С. Свяцкого. – СПб.: Всемирное слово, 1998. – 384 с.

References

1. Kwiatkowski A.P. Bard deafness // Poetry dictionary. - Moscow: Sov. Entsikl . , 1966 . - p. 10 - 11.
2. Kireyeva E.V. History of Costume. European Costumes from antiquity to the twentieth century. - M.: Prosveschenie , 1970 . - 165 p.
3. Adam Mickiewicz Pan Tadeusz or the Last Travel to Lithuania. - Moscow: State Publishing House of Fiction , 1954 . - 298 p .
4. Orekhov B.V. Slobodyan , EA "Only woodpeckers crawling along the branches ... " paradigmatic stylistic failures in Russian translation of " Lay " // Poetics and Aesthetics words : Collected articles in memory of Viktor Petrovich Grigorieva / Ed. Z.Y. Petrova, N.A. Fateeva , L.L. Shestakova . - M.: LENAND 2010 . - S. 416 – 423
5. Bockenheim K. Przy polskim stole. - Wrocław: Wydawnictwo Dolnośląskie, 1998 . - 220 .
6. Drażkowska A. Odzież grobowa w Rzeczypospolitej w XVII i XVIII wieku. - Toruń: Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu im. M. Kopernika, 2008 . - 345 .
7. Korespondencja Mickiewicza (Studium). - Paryż Księgarnia Polska / Berlin Księgarnia B. Behr'a, 1861 . - S. 51
8. Kot W. Pan Tadeusz: prawda i legenda. - Poznań: Oficyna Wydawnicza, 1999 . - 231 .
9. Kowecka E. W. salonie i w kuchni. - Warszawa: PIW, 1984 . - 296 .
10. Orlińska-Mianowska E. Modny świat XVIII i początku XIX wieku. - Lesko: Bosz s.c. 2003 , Seria Skarby Muzeum - 127 .
11. Szymanderska H. Sekret kucharski czyli co jadano w Soplicowie. - Warszawa, Prószyński i S-ka, 1999 . - 144 .

Sources of examples:

1. A. Mickiewicz Pan Tadeusz / Per. S. Aksenova Mar . - M. : Fiction , 1956 . - 334
2. A. Mickiewicz Pan Tadeusz / Per. M. Pavlova - Moscow: State Publishing House , 1954 . - 314 .
3. A. Mickiewicz Pan Tadeusz , or the last race on Lithuania / Per. S. Svyatskogo . - St. Petersburg. : Worldwide word , 1998 . - 384